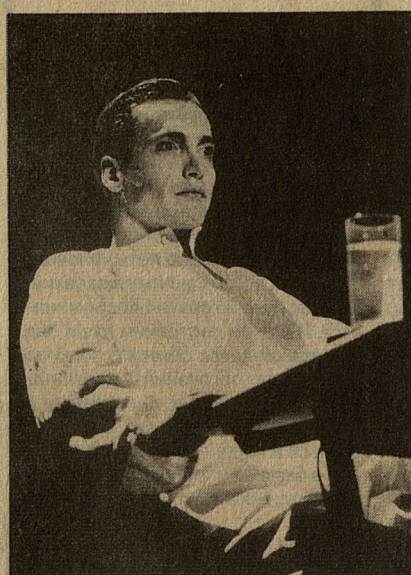

«МОСКОВСКАЯ ПРАВДА», 18 апреля 1996 года, 4-я стр.

Фестиваль

Антиподы

В рамках Международного театрального фестиваля им. А. Чехова Французский культурный центр познакомил москвичей с двумя программами, показанными в Театре им. Моссовета. Национальный хореографический центр Тура под руководством Даниэля Ларрье представил танцевальные миниатюры под общим названием «Рукоделие», а артист «Комеди Франсез» Реджеп Митровица — моноспектакль «Дневник Вацлава Нижинского», идущий на французском языке без перевода около полутора часов. Язык танца интернационален, понятен всем, и в этом его значительное преимущество перед драматическим театром — утверждают теоретики и, разумеется, правы, доказательство тому — оглушительный успех знаменитых дягилевских «Русских сезонов» в Париже. Но нет правил без исключений, и справедливость этой оговорки полностью подтвердили показанные программы.

«Рукоделие» (хотя, на мой взгляд, «Fait maison» лучше перевести как «Домашние поделки») оставило ощущение любительского примитива, возникшего из необременительной попытки занять себя чем-нибудь. Не случайно на пресс-конференции Даниэль Ларрье сказал, что жанр миниатюры дает ему возможность забавы, игры. «В работе тела я искал эволюцию танца. Меня интересуют поиски новых форм». Ни разу постановщик (а он еще и один из исполнителей) не обмолвился о содержательной стороне танца. Форма — вот бог его поисков. Ну, что ж, попробуем судить о Д. Ларрье по законам, им самим над собой поставленным.

В доброжелательно затихшем зале мягко зазвучал мечтательный, по-французски изящный, чуть грустный вальс Лео Ферре, и на авансцену перед закрытым занавесом вышел человек (Д. Ларрье). Он опустился на колени и принялся делать какие-то пассы: обхватывал голову, массировал локти, разводил руки в стороны, короче говоря, решал «фундаментальные вопросы танца — поиск союза с музыкой, светом, публикой», о которых говорил на пресс-конференции. Только вот незадача, хотелось закрыть глаза и полностью погрузиться в чарующий мир вальса, побродить с ним по улицам Парижа, не обращая внимания на мельтешню рук. И, будто откликаясь на зов волшебного вымысла, зазвучала старая пластинка жеманно капризным голосом какой-то шансонетки, обольщавшей своих поклонников в ...надцатом году. 8 фигур, лежавших навзничь рядом, забавлялись озорными и в то же время детские простодушными движениями под стать музыке навсегда ушедшего времени, когда женщины были обезоруживающе беззащитны, а мужчины элегантно отважны.

К сожалению, эта хореографическая шутка была единственным номером, вызвавшим сочувственное внимание, все остальное напоминало пластический ребус, разгадать который было практически невозможно, даже несмотря на подсказку программы.

На фоне задника с блеклым пейзажем показалась фигура в короткой белой юбочке и с сосредоточенным видом принялась делать пассы ногами (при более внимательном рассмот-

рении оказалось, что это был молодой человек). Затем появился мужчина, знакомый с основами классического танца, в доказательство чего он исполнил несколько па с женщиной в длинном платье, следя за тем, чтобы не наступить на лежащего человека. Обратившись за разъяснением увиденного к программке, прочитала: «Юноша в белом олицетворяет движение, осознанное и замедленное, как бы найденное внутри себя. Мужчина — динамизм и статичность, порывистость и владение собой, юная женщина — гармония и плавность. На первом плане — персонаж в черном, символизирующий «движение до начала движения». Теперь, надеюсь, вам все ясно?

А мне, признаться, вспомнился мудрый чеховский завет, высказанный им в его «еретически гениальной» (М. Горький) «Чайке»: «...Я все больше и больше прихожу к убеждению, что дело не в старых и не в новых формах, а в том, что человек пишет, не думая ни о каких формах, пишет, потому что это свободно льется из его души».

Диагностическая точность чеховской мысли нашла великолепное подтверждение в моноспектакле Реджепа Митровицы «Дневник Вацлава Нижинского». Конечно, это было очень смело — драматическому артисту предстать в образе гениального танцовщика, читающего (по-французски!) исповедь угасающего сознания. Для этого нужно быть не просто уверенным в своих силах, а обжечь себе душу этой страстной мольбой о понимании. Три вечера подряд происходило это самосожжение (иначе не назовешь) артиста, его актерский подвиг, мученический крест и высшая сила искусства, разом объединяющего людей, властно заставляющего их вспомнить о своей человеческой сути, милосердии к ближнему, великом чуде жизни — о вещах, почти забытых в будничной суете.

...Войдя в крошечный полутемный зал под крышей Театра им. Моссовета, замечаешь человека, сидящего в центре и чуть освещенного невнятным светом, как витрина уже закрытого магазина. «Манекен, — решила я вначале, — и ведь как хорошо сделан». Но чем больше всматривалась в сидящую фигуру, тем больше росло необъяснимое беспокойство, даже тревога, сродни той, что заставляет отводить глаза от лица покойника. Постепенно сосредоточенная тишина охватила зал, и незаметно, исподволь в него вошел чей-то голос, скорее даже косноязычное бормотание — это говорил он, манекен! Молодой человек с четким пробором в набриолированных волосах, сидящий за маленьким столом с раскрытой рукописью, одетый в строгий черный костюм-тройку — и с босыми ступнями, косолапо стоящими под столом (то был первый, видимый, знак подкрадывавшегося безумия).

Полтора часа беспощадной исповеди — полтора часа невероятного чуда искусства. Ни одного лишнего жеста, случайной интонации, ненужной подробности — все целено, продумано и выполнено безукоризненно. Но осознаешь это лишь по окончании спектакля, медленно приходя в себя, поскольку прожиты эти полтора часа с обжигающей страстью и болью за человека.

На пресс-конференции Реджеп Митровица сказал: «Помимо битвы между безумием и разумом в дневнике Нижинского ощутил сильный душевный заряд. В нашем западном обществе уничтожены практически все духовные сферы, в том числе и в театре, носители нравственности, и для меня было потрясающей актерской удачей восновить эту связь с духовным началом. У вас в стране существуют глубокие театральные традиции, поэтому выступать в Москве — честь для меня».

Нелли ОНЧУРОВА.
На снимке: Нижинский — Р. Митровица.

271